

В СВЯЗКЕ

КЛЭР КАСТИЙОН

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

18+

Клэр Кастийон

В связке

Серия «Недетские книжки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980911

В связке: ИД «Самокат»; Москва; 2024

ISBN 978-5-00167-578-5

Аннотация

Алисе восемь, и после того как ПУ – папа ушел, – она живет вдвоем с мамой. Киновечера, ужины на ковре, разговоры по душам – только Алиса и мама. Их идиллию позволено нарушать лишь маминому лучшему другу Жоржу, или Монджо. После ухода папы Алисе не хватало как раз такого доброго, заботливого и понимающего взрослого рядом. В клубе по скалолазанию Монджо ведет Алису к победам и наградам. Возит ее на соревнования и ставит в пример другим ученикам. А еще он учит ее делать друг другу мурашки...

Алисе пятнадцать, и каждый раз, когда она ложится спать и закрывает глаза, на нее валятся синие спортивные маты, а рядом слышится слабый зов о помощи. Алиса хранит большой секрет, о котором никому нельзя рассказывать. Алиса расщепляется надвое и смотрит на происходящее со стороны. И ничего не может сделать.

Пронзительный роман французской писательницы Клэр Кастийон «В связке» звучит как тихий крик о помощи и дает голос детям, которых вовремя не услышали. Эта книга обращает внимание на проблему сексуализированного насилия над детьми, помогает начать разговор о пережитом тяжелом опыте и получить поддержку и помощь.

5 причин купить книгу «В связке»:

- Новинка в серии «Недетские книжки», поднимающей острые и важные темы;
- Роман, который глазами ребёнка показывает, как происходит насилие и почему дети молчат о том, что с ними делают взрослые;
- Книга, которую читать страшно, но необходимо;
- Может помочь справиться с пережитым травмирующим опытом;
- Книга получила престижную французскую литературную премию Prix Vendredi в 2022 году.

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	16
5	19
6	22
7	26
8	30
9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Клэр Кастийон В связке

Claire Castillon
LES LONGUEURS

© Claire Castillon, Les Longueurs © Gallimard Jeunesse, 2022; Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Н. Хотинская, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2024

1

Туча. Взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара, видимые на небе с поверхности земли.

– Ты ходишь чернее тучи, – говорит мне мама. – Тебя не поймешь, Лили. Куда ты убегаешь? Что-то случилось, скажи мне? Тебя обидели? Я могу тебе помочь? Подвезти тебя в коллеж?

Чернее черного. Сверхчерная. Живопись. Сулаж¹. Урок изобразительного искусства мадам Пейна в аудитории 2В. Сосредоточься, Лили. Не на уроке, но сосредоточься. Придумай что-нибудь. Всегда есть выход.

Мамы знают, ну, догадываются. На уровне интуиции. Догадываются. Вот и моя знает, что с ее дочкой что-то не так. Наверно, думает, что это из-за ПУ, это у нас означает «папа ушел». Да нет, ладно бы ПУ. Эта тема закрыта.

¹ Пьер Сулаж (1919–2022) – французский художник-абстракционист, один из ведущих представителей ташизма, знаменитый своими картинами, выполненными черным цветом. Сулаж придумал для своей манеры термин «сверхчерный» (outrenoir) – за пределами черного, чернее черного. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Мне пятнадцать. Сегодня утром мама предложила поехать на выходные к морю, подышать воздухом. И про собаку заговорила, может, например, нам собачку, не очень большую, конечно, и ласковую, собачку для двух бедных одиноких женщин, пошутила она, а потом взяла и выдала, что наш с ней тет-а-тет ненадолго, скоро все изменится.

У меня болят локти, лодыжки, запястья, коленки, челюсти, шея и поясница. Когда я стою, ничего не сгибая, то чувствую, как начинают болеть какие-то неизвестные мне суставы.

– Ты неважно выглядишь, моя Лили, – продолжила мама, – ты уверена, что не хочешь сходить в парикмахерскую? И потом, обратила бы ты внимание на ногти, ты ведь девушка, моя Лили, попробуй еще раз горький лак. Подростковый возраст – странная штука, ты же чувствуешь, правда? Это он тебя беспокоит? Я понимаю... Все нормально. Если хочешь, я заеду за тобой после уроков, пройдемся по магазинам. Тебе нужны новые вещи. Тебе не надоели твои комбинезоны, а, Лили? Летом еще ладно, но зимой... Не хочешь что-нибудь другое, более женственное? Эмили недавно была в таких красивых брюках с высокой талией, хочешь, купим тебе такие же? Спроси, где она их купила.

Чернее черного. Все из-за освещения, объясняет мадам Пейна, ведь у Сулажа фактуры, игра фактур, свет, рефлекс.

Золотистость. Тень. Я не в состоянии конспектировать, половину пропускаю мимо ушей.

– Хочу сказать тебе еще кое-что, – добавила мама сегодня утром, усадив меня рядом и протянув бутерброд. – Монджо, наверно, будет жить с нами... Ты в итоге оказалась права. Помнишь, когда тебе исполнилось восемь и мы праздновали твой день рождения в Диснейленде? Помнишь, что ты тогда спросила? Ну так вот, моя Лили, мы с Монджо... Лили?

Чернее черного, и на поверхности фактур не возникает никакого света.

В самом начале мне семь. Мама улыбается. Даже когда его еще нет. Придет Жорж, и она улыбается. Когда его еще нет. Вот так. Такие дела. Улыбка. Молчание. Звонок. Ей даже не надо говорить, что это он. Я и так знаю. Улыбка. Я его слышу. Молчание. Звонок. Я его вижу. Смех. А потом – веселье двух товарищей, как выразилась сама мама, когда на мой восьмой день рождения, который мы праздновали с Жоржем в Диснейленде, в «Доме с привидениями», я спросила их, влюблены ли они друг в друга или, может, когда-нибудь влюбятся. И подумала, что жаль, когда мама засмеялась и объяснила, что они скорее как брат и сестра. На всю жизнь. Тогда я была бы рада такому отчиму, как Жорж. Веселый, добрый, терпеливый. И главное, мама с ним такая беззаботная, будто папа никуда не уходил. Так что я, как и она, зову его Монджо.

Когда папа ушел, мама подцепила парня, который начал каждую фразу со слов «если бы дочь была в эти выходные не у тебя, мы могли бы...». Но мама у меня строгая. В выходные я у нее, и это не обсуждается. Вообще-то я у нее каждые выходные, потому что папа теперь не где-нибудь, а в А-МЕ-РИ-КЕ. Когда он сказал, куда уезжает, у него звезды в глазах сверкали. «Титаник», «Конкорд», д'Абовилль, переплывший Атлантику на веслах, – все это написано на бейсболке «Беркли», которую он теперь не снимает. Папа осуще-

свбил свою мечту. Он уезжает за океан. Он кайфует. В день отъезда он подарил мне будильник, на котором установлено его американское время, «чтобы мы все время были вместе». Восемь утра в Париже – я иду в школу, два ночи в Атланте – папа спит. Он должен был купить мне билет, чтобы я прилетела летом, но расходов и так оказалось слишком много. С тех пор он сам время от времени приезжает во Францию. Мы встречаемся в кафе, пьем сок, и иногда он говорит официанту *thank you*, потому что стал американцем. Сам же над этим посмеивается, а я смотрю на его часы, время на которых установлено как на моем будильнике, даже когда он во Франции. Час прошел, и он предлагает мне забрать палочку-мешалочку. Я их собирала, когда была маленькая. Он мне присылает американские. Я храню их в обувной коробке, которую подписала «ПАПИНЫ МЕШАЛКИ». Когда я наберу сто, он вернется.

Маме было очень одиноко, когда папа ушел. Плакать она не может, во всяком случае при мне. Мы вместе делаем тш-ш, это наше с ней время, когда мы сидим крепко обнявшись. Мы надеемся, что войдет папа и сядет на свое место, но не говорим этого. Мама прекращает тш-ш вовремя, чтобы не дать вырваться словам, ведь она не разрешает поддаваться хандре. Чтобы разрядить обстановку, она обычно объявляет киновечер или ужин на ковре. Моя обязанность – выбрать и расстелить на полу скатерть, и мы устраиваем пикник. За едой играем в «Уно» или в «Доббль. Гарри Поттер». Или еще

в вопросы. Какое у тебя самое любимое воспоминание, моя Лили? А какая у тебя самая сумасшедшая мечта, мама? А ты когда-нибудь врала, мама? Если бы ты могла превратиться в животное, кем бы хотела стать – птичкой или рыбкой, Лили?

Да, мама скучает по папе, но я – дело другое. У меня есть моя злость. И потом, вдвоем нам с мамой спокойно, и, главное, папа теперь не почесывает за ужином горло, как он делал под конец его жизни здесь, когда ему звонила Кейт и он брал трубку и разговаривал с ней как с пациенткой, а потом вставал из-за стола и уходил в другую комнату, чтобы потрепаться подальше от наших ушей и свалить, видите ли, на «срочный вызов». А папа вообще-то дерматолог. То есть просто держит маму за дуру. «Не разменивай сердце на мелочь, – недавно посоветовала она мне. – Храни его для кого-нибудь такого же хорошего, как ты». А потом она захотела узнать, почему я не иду на вечеринку к Эмили. Я сделала тш-ш. Я уважала ее молчание, когда она отказывалась говорить о папином уходе, и она тоже уважает мое, когда я отказываюсь говорить о своих «не хочу». «Ну а все-таки?» – пытается она, правда пару раз, но я могила. «А Октав будет?» – спрашивает она. Да, нет, может быть. А-МЕ-РИ-КА: это означает странное чувство отчужденности. С Октавом все кончено. Да и не начиналось никогда. Но я делаю тш-ш.

Мне только-только исполнилось семь, а Жоржу было сорок два, когда он снова занял свое законное место маминной родственной души. Так она сама сказала и объяснила мне, что это значит. До папы он был ее лучшим другом и, когда папа ушел, совершенно естественно стал им снова. Папа его недолюбливал, поэтому за все двенадцать лет, что папа с мамой были вместе, Монджо приглашали не очень часто. Каждый раз он приходил с новой подружкой, и мама, при папе и при очередной подружке, любила показать, что они-то с Монджо – на всю жизнь. Говорила о скалолазании и о том, как они раньше ездили куда-нибудь на выходные и ночевали в палатке.

Папа страдал головокружениями, и маме пришлось бросить скалолазание. Потом, когда она осталась одна и могла бы снова лазать с Монджо, она решила, что уже слишком стара для этого. Зато она записывает меня в группу «Коал», по средам, а потом и субботам, потому что Монджо говорит, что у меня способности. Он сразу переводит меня в другую группу – к «Микробам». Я собой горжусь. Монджо – так он всем представляется и в клубе скалолазания «Пальмы».

Мне восемь с половиной. Папа уехал в Америку. Мама так и не плачет. Монджо часто ночует у нас. Они с мамой ужи-

нают, и он остается спать на диване, либо потому, что выпил и не хочет садиться за руль, либо потому, что наша квартира ближе к «Пальмам». Это его клуб – стена для скалолазания и спортзал. Ему хорошо, теперь он сам себе начальник. Иногда мы смотрим кино. Он любит детские фильмы. Однажды он признался мне, что в постели с подружками часто смотрит мультики. Но это взрослый секрет. Вопросов я не задавала. Подумала только: интересно, если бы папа с мамой посмотрели «Инспектора Гаджета», сумели бы они как-нибудь остаться вместе? Мама довольна, что в моей жизни присутствует мужчина. Монджо дарит мне книги, а один раз даже принес косметику. Клубничный блеск для губ.

– Не волнуйся, взял самый прозрачный, – извинился он перед мамой, она ведь не хочет, чтобы я красила губы до двадцати пяти лет. Он подмигнул мне. Мама сказала:

– Ну-ка прекратите секретничать.

Я убрала блеск в сумочку с пайетками, которую он подарил мне в прошлый раз. Он меня задаривает, и я его люблю.

Когда маме пришлось оперировать колено, она попросила бабушку посидеть со мной, но, видите ли, предупредила ее слишком поздно: надо было сломать колено раньше, ведь бабушка у нас любит все планировать заранее, и поэтому со мной остается Монджо. Он обещает, что каждый вечер мы будем есть «Макдоналдс», китайскую еду или спагетти. Посмотрим «Пик-Пик» с Луи де Фюнесом. Он спрашивает,

люблю ли я кока-колу, маршмеллоу, шоколад, а еще – люблю ли я мурашки. Я не знаю, что это. Это когда проводят по спине кончиками ногтей. Я прошу показать, и он проводит ногтями по моим коленкам. С внутренней стороны. Мне кажется, я куда-то улетаю, но ему лучше этого не знать.

Он разрешает мне спать в его кровати. Мы устраиваем бои подушками. Мне очень весело и иногда даже хочется назвать его папой. У меня новый папа, не такой американский, как тот другой, и гораздо более ответственный. Утром он будит меня вовремя, жарит мне блинчики, отводит в школу. Все, наверно, думают, что это и есть мой папа, и я горжусь.

Когда маму выписывают из больницы, Монджо приходит нам помогать, потому что она на костылях. Он ходит в магазин, носит сумки. Звонок. Смех. Он ставит ее на ноги в два счета. Однажды вечером мне звонит папа, и, когда я говорю, что у нас Монджо, он фыркает: «А! Бородавка снова выросла!» Маме я не рассказала, чтобы не огорчать. Странно это. Я хочу спросить папу, почему «бородавка». Спрошу, когда он позвонит в следующий раз. А вообще-то нет, я имею право любить Монджо, папа просто ушел и ревнует. Ему жаль, что мы тут без него не чахнем! В другой раз, когда мы говорим по телефону, папа называет его паразитом. И на этот раз я спрашиваю, почему он бородавка-паразит? Папа отвечает, что не любит Монджо. «Фальшивый, как волк в овечьей шкуре». И мы начали нашу *expression game*, игру в выражения. Я должна как можно быстрее найти другие выра-

жения, означающие то же самое: фальшивый, как поддельные деньги? Фальшивый, как кричащий немой? Фальшивый, как черное солнце? Папа хохочет. Он всегда так делает, когда пора вешать трубку. Смеется, чтобы заглушить сигнал отбоя. Фальшивый, как папа, когда громко смеется.

Я хожу на скалолазание раз в неделю, по средам, потом два, еще по субботам. Мне нравится чувствовать себя любимицей Монджо. Он часто попадается у меня на пути, помогает открыть дверь раздевалки, надеть скальные туфли и страховку. Приподнимает меня на ремнях, проверяя, хорошо ли она закреплена. Мне нравится, когда он отрывает меня от пола. Я смеюсь почти так же громко, как папа, когда что-то делает через силу. Иногда Монджо притягивает меня к себе, просунув палец в страховочное кольцо. Когда мы стоим так близко, лицом к лицу, он целует меня в лоб. «Ты вкусно пахнешь». Я делаю успехи, спрашиваю, можно ли мне ходить в клуб три раза в неделю, но мама не разрешает из-за школы. Монджо уговаривает ее, и она соглашается. Я хожу по пятницам вечером, с младшими «Коалами». Монджо говорит, я для них пример. Мне восемь с половиной, и я хочу быть скалолазкой.

Мне пятнадцать. Монджо. Монджо и мама. Да, Лили, Монджо и мама влюбились друг в друга. Монджо теперь у нас каждый день, и сегодня он придет ужинать, надо же это отметить. «Нужно обязательно отпраздновать всем вместе», – заявила мама. Ужинам мамы и Лили на ковре – конец. Киновечерам мамы и Лили – конец. Монджо у нас днем и ночью. Уроки у меня заканчиваются в шестнадцать тридцать, и кто мне поможет? Есть кто-нибудь? Я поворачиваюсь к Эмили, которая повернулась к Тому. В обед он должен сказать ей «кое-что». У нее как будто крыша поехала. Спросила, что я об этом думаю. Я не ответила, и она сказала, что я эгоистка и веду себя вообще не круто. Если я закрываю глаза, чтобы дать отдохнуть суставам ресниц, просыпаются суставы сердца, как плохо подогнанные двустворчатые клапаны. Они колются при каждом вдохе.

Сказать маме. Сегодня же сказать маме. Сказать ей: «Нет, мама, не надо ни легинсов, ни короткой юбки, ни брюк в обтяжку, лучше железный комбинезон с застежками-задвижками, чтобы Монджо больше не смог их открыть. Нет, мама, не надо маленького топики, а то Монджо опять заведет свою шарманку: Анна-Анна-Анна. Нет, мама, не надо мягкого пуловера с вырезом, не надо колготок для вечеринок, не надо бюстгальтера вместо моих спортивных топов. Нет, мама, да-

вай не пойдём по магазинам, пойдём в полицию, пошли со мной, мама, ты поймешь».

Или поплакать.

Или сказать папе. Я позвоню ему. Там десять часов, здесь – четыре. Алло, папа, уф, ты уже проснулся, послушай хорошенько и сделай что-нибудь: Монджо мурашит меня с восьми лет, но теперь он встречается с мамой и собирается жить у нас. Приезжай и разберись, ладно?

Нет, не ПУ.

Сказать маме.

Или директору. Месье Друйону. Месье Друйон, видите ли, я мурашусь с Монджо с восьми лет. Это правда, сначала мурашки мне нравились. Но на днях я увидела, что он мурашит еще и Еву. А я думала, у него только я. Она так поспешно выбежала из раздевалки. Ей тринадцать. Мне пятнадцать. Я уже слишком старая? Да ну нет. Он теперь с мамой. Маме сорок четыре. И вот сегодня вечером он придет и поселится с нами насовсем. Мы будем жить втроем. Монджо. Мама. Я. В голове у меня суп. Минестроне. И меня все время рвет.

Месье Друйону?

Или, может, мадам Лиота, медсестре, которая всегда говорит: «Из маленькой рыбки вырастет большая щука»? Это, кстати, фразочка Монджо. Так он на некоторых влияет. На двери медпункта висит табличка: «Стучите, я всегда здесь». Значит, я могу постучать, войти и все рассказать мадам Лиота. А вдруг маму арестуют за ненадлежащее исполнение ро-

дительских обязанностей? А если в полиции мне не поверят? А если посадят маму?

Сказать Эмили, моей лучшей подруге? Подруге на всю жизнь. Но она спросит, почему я ждала пять лет, чтобы признаться, что у меня уже был секс. И странно будет все ей рассказать как раз в тот день, когда Том назначил ей свидание. Она подумает, что я это нарочно, чтобы помешать ей как следует насладиться своим «кое-что». А я-то хочу просто пойти после школы к ней, спрятаться в ее комнате, за спинами ее родителей. Переночевать в безопасности в комнате подруги.

Сказать маме. Но как? Мама, это ошибка. Не надо, мама. Монджо и я, мы давно вместе, ты ведь не будешь отбивать у меня парня. Нельзя нам обеим спать с одним мужчиной. Мама, ты разве не понимаешь, что со мной делаешь? Когда я вырасту, мы поженимся, Монджо обещал. Но если будешь и ты, мама, что нам тогда делать?

Сказать мадам Пейна. «Алиса, в каких облаках ты витаешь? Повтори, что я сказала. Ты слушаешь или о своем думаешь? Подойди ко мне после урока, мне что-то не нравится твое поведение».

Я думаю о Монджо, о словах, которые он мне говорит. К истории искусств они отношения не имеют.

Мне девять. Вечер пятницы, тренировка «Коал». У нас эпидемия гриппа. На занятия только трое. Со мной, большим «Микробом», их примером для подражания, – четверо. В конце тренировки Монджо устраивает игру в прятки, потому что малыши устали. Я прячусь за матом, который уже поставили к стене. Монджо находит меня там, пока один из малышей еще считает, и пятьдесят секунд мурашит мне руки. На мне маечка с узкими бретельками, и он просовывает под нее руки, чтобы помурашить спереди. Велит закрыть глаза. Малыш кричит «пятьдесят», и Монджо выходит из-за мата. Малыш находит меня, и я выбираюсь из укрытия и ищу глазами Монджо. Я и сейчас часто ищу его глаза, чтобы понять, сердится он на меня или нет. После тренировки я быстро одеваюсь. Хочу попрощаться с ним, но он разговаривает с чьими-то родителями, и я только кричу издалека: «До завтра!» Он едва поворачивает голову и машет мне рукой. Это странно: иногда, когда мы с ним вот так близко, он вдруг отворачивается. Но ненадолго. Вечером он звонит нам. К телефону подходит мама, они перешучиваются. Он просит ее меня поцеловать, и она отвечает: «Давай сам, передаю ей трубку». По телефону он говорит, как хорошо я сегодня прошла все дистанции.

– Ты будешь великой скалолазкой, моя красавица, – обе-

щает он. – Все нормально?

Моя красавица. Папа бы так не сказал. Все нормально? Да. Когда Монджо меня об этом спрашивает, у него странный голос, но я его успокаиваю. Рассказываю, что мы делаем с мамой. Начинаем партию в «Монополию», а до этого час долбили математику. Мама шутит насчет моей ненависти к матеше, и он сразу успокаивается, видит, что все норм. Не хочу, чтобы он догадался, как странно я себя чувствовала тогда, за матом. Чтобы ему стало легче, я, кажется, даже говорю «мурашки», прежде чем повесить трубку.

Я ложусь спать довольная, как слон, что у меня есть такой друг. Но часто просыпаюсь, будто на меня валятся маты, тяжелые, как чьи-то руки. Под ними лежит, придавленная, совсем маленькая девочка. Я этого еще не знаю, но ее зовут Анна.

В субботу мама подвозит меня на тренировку и хочет остаться. Ей хочется своими глазами увидеть мои успехи, и ей нравится атмосфера спортивных клубов, которые папа терпеть не мог. Конечно, оставайся, детка, заверяет ее Монджо. Меня он зовет «моя красавица», но не всегда. После тренировки, пока я болтаю с остальными, он пьет кофе с мамой в своем кабинете. Он никогда не мурашит меня по субботам, когда приходит мама. Разве что целует в кончик носа на прощание. Я все крепче дружу с Ноем и Клотильдой. Мо-

жет, когда-нибудь мы будем в одной связке, потому что у нас общие мечты. В телевизоре на ресепшене Монджо крутит нон-стоп репортажи о знаменитых скалолазах. И мы мечтаем, что однажды тоже будем там, на вершине. «Я приведу тебя на самый верх», – обещал мне Монджо. Он дарит мне очень красивую спортивную одежду, красные лосины, короткие маечки, ему редко случалось видеть такого одаренного подростка. Мама над ним смеется:

– Ты что, Монджо, девять лет – это еще не подросток!

Потом мне, правда, исполняется десять.

После урока мадам Пейна спросила, что со мной такое. Я могла бы рассказать про Монджо и завербовать ее в союзницы, попросить, чтобы она разрешила остаться у нее хотя бы на сегодняшний вечер, а потом помогла сбежать. Она говорила со мной ласково и была не строгой, а встревоженной. Я опустила глаза и увидела ее руки и шишечку на косточке большого пальца, в точности как у Монджо. Значит, он теперь может возникнуть откуда угодно. Точно, он везде, смотрит на меня, видит меня, надзирает за мной, даже когда я его не вижу. Любит меня, где бы я ни была. А что, если это он в обличье мадам Пейна? Что, если он надел маску мадам Пейна? Что, если передо мной фейк, а не мадам Пейна? Что, если мадам Пейна сейчас очень далеко, может быть, в детской раздевалке, со связанными за спиной руками, прикованная наручниками к вешалке? Голая, нелепая, дрожит в ожидании новых ласк, советов вроде «подожди, потерпи, дальше будет лучше».

Я не смогла поговорить с мадам Пейна. Хотела, чтобы она сама догадалась. Она посоветовала мне немного отдохнуть, спрашивала, есть ли у меня планшет, играю ли я в видеоигры, поздно ли ложусь, не знакомилась ли с кем-нибудь подозрительным в интернете, нет ли у меня расстройств пищевого поведения, как дела у мамы.

Эмили ждет меня в коридоре. Она дает мне второй шанс. Если я хочу спрятаться у нее сегодня вечером, то должна в очередной раз выслушать, что с Томом все сдвинулось с мертвой точки. Наконец-то он ею заинтересовался! Наконец-то все серьезно! Так что я слушаю. И слушаю, как она опять выносит мне мозг из-за Октава, потому что злится, что я отказалась с ним встречаться. Октав же мне нравился, я даже подавала ему знаки, почему я его отшила? Почему рассмееялась ему в лицо? «Он лучший друг Тома, только представь, как нам было бы классно вчетвером?» Эмили просто на стенку лезет. Я все испортила. «Четыре дня назад ты хотела, а теперь нет?»

Но Эмили ведь не знает, что Монджо ревнует. Его бесит, что я расту, он хочет, чтобы я все ему рассказывала, и советует, как поступить, когда я сомневаюсь, но потом сердится. Раньше он так не сердился. «Никто из этих сопляков-девственников тебя не полюбит так, как я, была бы хоть благодарна!» После этих вспышек гнева я всматриваюсь в его глаза: обиделся ли? Он отводит взгляд, и мне страшно. А потом он обнимает меня: «Анна, Анна», – это его секретное слово, так он телом говорит, что любит меня. Как же он зовет маму?

«Да ты меня слушаешь или как? – орет Эмили. – Что я сейчас сказала?» В другой раз мы бы обе прыснули после такой реплики, но сейчас я вижу, что она правда разозлилась.

Обиделась еще сильнее. «Хватит с меня, – говорит она, – если тебе плевать, что у меня происходит, мы больше не подруги». Я пытаюсь сосредоточиться, ведь мне надо переночевать сегодня у нее, поэтому я стараюсь. Как сказать ей, что все, о чем она мечтает с Томом, который наверняка сначала предложит ей свидание, поцелуи и ласки, я уже пережила с Монджо в десять лет в той ореховой скорлупке?

Короче, Том. А вот и он сам. Не может даже дождаться обеда, чтобы поговорить с Эмили. Она строит ему глазки. Смотрит на него, как в сериалах, пробует разные взгляды. Это мило. Ей повезло. Я правда думаю, что она симпатичная, ну, для своего возраста симпатичная, и тут же думаю как Монджо. То есть думаю, что она симпатичная, снисходительно. И еще думаю: «сопляк». Не знаю, видно ли это по моим глазам, но мне хочется быть агрессивной, и я презираю их детсадовские делишки. Октав тоже здесь, с тех пор как я отказалась с ним встречаться, он меня игнорирует. Что мне стоило, в самом деле, поцеловать его, вместо того чтобы расхохотаться? Он решил, что я злыдня, и я на него обиделась. Он даже больше не кажется мне красивым. Ни приятным. Ни прикольным. Кажется никаким. Или это я никакая. Я все больше и больше отдаляюсь от этой жизни. Я не могу притворяться неопытной пятнадцатилеткой. Не могу врать ему с самого начала. И не могу рассказать ему, что я делаю в душевой, в щитовой, в кабинете Монджо, в подсобке, не могу рассказать, что, пока он делает уроки вечером по сре-

дам, пока гуляет в парке с нашими одноклассниками по пятницам, пока катается на скейтборде с друзьями в выходные, что все это время я – Анна, прекрасная возлюбленная Монджо. Монджо, которому исполнилось пятьдесят. И который переспал с моей матерью, чтобы это отпраздновать.

А хуже всего то, что пятидесятилетие Монджо мы праздновали у нас дома. И пока мама зажигала на торте свечи, а я гасила свет, он подстерег меня в коридоре. Обхватил сзади, прижался ко мне и сказал: «Анна, пожалуйста». И мы пошли ко мне в комнату. По будильнику с франко-американским временем это заняло одну минуту, с 23:12 до 23:13. Потом он задул свечи. Он ночевал у нас, но, когда я встала среди ночи, то не увидела его на диване. Утром мама была ужасно довольная, он остался на завтрак, потом на ужин. Я и не подумала, что он ушел с дивана к ней. Я вообще ничего не подумала.

– Можно мне сегодня переночевать у тебя? – спрашиваю я Эмили, которая, повернувшись к Тому, пробует уже пятидесятый взгляд.

– Сегодня? – Она смотрит на меня удивленно. – Но ведь завтра в школу! Твоя мама ни за что не разрешит!

Мне десять, я цыпленок-первогодок², и я очень хорошо лазаю. Монджо записал меня на соревнования. В эти выходные мы едем в Сен-Пьер-де-Кор. Соревнования начинаются в десять утра, так что лучше приехать накануне и переночевать там. Мама говорит, что предпочла бы другую дату, но Монджо тут же ее успокаивает. Он везет всю команду младших. Это часть его работы. И он, кстати, уже нашел там хостел. «Заодно возьму и твою дочку, вообще не проблема. Мы вернемся в воскресенье к вечеру». Он взял напрокат большую машину, чтобы отвезти всех цыплят. Жаль только, что, когда Клотильда и Ной захотели записаться, мест больше не было. Я сказала Монджо, что расстроилась, с остальными-то я не дружу, я их почти не знаю, и он меня успокоил: «Не переживай, если хочешь, будешь спать у меня в номере».

День прошел очень быстро. Мы взяли с собой обед и поели на парковке у автостоянки. Мама сунула мне на дно сумки конфеты. Много, чтобы я могла поделиться и подружиться с кем-нибудь. Монджо вместо этого предложил съесть их в постели, так что я никому их не дала. Номер совсем маленький, с двумя односпальными кроватями. Монджо сдвинул их, чтобы мы лежали как в маминой кровати, когда она

² Цыплятами во Франции называют юных спортсменов младше одиннадцати лет.

сломила колено. Я достаю конфеты. Душ в конце коридора. Он идет мыться, а я надеваю пижаму и ложусь под одеяло с Пушистиком, моей мягкой игрушкой из Америки, – что-то вроде белочки с большими глазами. Монджо идет проверить, все ли улеглись в двух других номерах. Он разрешил болтать, но посоветовал лечь спать до десяти. Вообще-то его всегда хочется слушаться, потому что он ничего не запрещает. «Если я скажу вам не болтать, вы будете шуметь, – говорит он, – но, если я скажу, что завтра у вас соревнования и что я вам доверяю, вы ляжете спать. Я же прав?»

Его обожают, он классный учитель. Вернее, тренер. Я боялась, что остальные не будут со мной общаться из-за того, что я сплю с ним, и он навешал им на уши лапши. «Увы, Алиса, но тебе придется ночевать со мной. Ставить дополнительную кровать в другие комнаты не разрешают. Из соображений безопасности. На войне как на войне». Остальные уже держались своей компанией, не знаю, слышали они или нет, может, им было вообще все равно. В десять лет не подумаешь, что учитель спит с ученицей, ну, я имею в виду, в одной кровати.

Монджо сразу делает мне мурашки, а потом просит сделать ему. На пятках, чтобы он расслабился, затем на голове, на щеках, а затем – где хочешь, говорит он, откинув одеяло. Я опять мурашу ему ноги, потом колени, потом – снова щеки. И вижу, как приподнимаются его трусы, а под ними – какую-то палку. Монджо открывает один глаз, наверное, хочет

увидеть выражение моего лица, и я делаю вид, что ничего не замечаю. Не знаю, должна я заметить или нет.

– Все, – говорю я и прекращаю мурашки.

– Теперь ты, – говорит он. – Ляг на живот.

Он мурашит мне спину, а потом морщится, как будто ему неудобно, и спрашивает, можно ли сесть мне на попу, чтобы выпрямиться. Велит раздвинуть ноги, чтобы меня не придавить. Пристраивается у меня между ног на матрасе и мурашит спину поверх пижамы. Но махровая ткань слишком толстая, говорит он и спрашивает, можно ли просунуть руки под нее, и я соглашаюсь. И правда, так приятнее. Я чувствую попой палку в его трусах. Он называет меня Анной, и яправляю его:

– Нет, Монджо, Алиса, ты же знаешь, что меня зовут Алиса!

– Вот и нет, – отвечает он, – когда говорят друг другу «я тебя люблю» телом, можно звать друг друга иначе, хочешь, ты будешь Анной? Это будет наш секрет.

Я говорю, что да, потому что обожаю «Холодное сердце».

– Анна, – бормочет он все громче, и я чувствую, как палка тычется мне в попу. Он мурашит мне шею – мое любимое место – потом опять спину, теперь уже всеми ладонями, просовывает руки под меня и мурашит спереди, и я говорю:

– Ты что делаешь, здесь не мурашат!

А Монджо отвечает:

– Нет, Анна, так я тебя люблю.

Всеми ладонями – значит «люблю», просто ногтями – мурашки.

Я учусь словам любви.

Через некоторое время я говорю:

– Давай позвоним маме?

Я переворачиваюсь, и Монджо достает палку из трусов. Я не знаю, какой у меня сейчас взгляд и хмурю ли я брови, но, видимо, да, потому что Монджо просит меня посмотреть еще. Потом он говорит о завтрашних соревнованиях и перечисляет все, что я непременно должна увидеть во сне, чтобы потом применить: гибкость, равновесие, концентрация, сила рук и ног.

Перед сном мы звоним маме и говорим ей, что все супер.

– Не стану скрывать, хостел паршивый, – говорит он, – но твоей дочке весело, так что все путем!

Я засыпаю, уткнувшись носом в Пушистика. Монджо желает мне спокойной ночи и кладет между нами подушку.

Назавтра он мне нравится уже не так сильно, я боюсь, что сделала или сказала что-то не то, и всматриваюсь в его глаза: не сердится ли он? И все время думаю о палке. Я знаю, что оттуда берутся дети, но лучше я буду думать, что он просто пописал. Те соревнования я выиграла.

Мне пятнадцать, и я только что узнала, что мама и Монджо вместе.

Мама и Монджо.

Нужно немедленно поговорить с Монджо. Уйду из колледжа в обед и пойду к нему. Пусть сам мне скажет. Хотя в последнее время отношения у нас прохладные. Холоднее и холоднее. «Смотри у меня, Алиса», – предупреждает он. Все у нас не так, как раньше, это точно. Он и сам это без конца повторяет в последние несколько дней. Или недель. Вообще-то, когда я его не люблю, время летит ужасно быстро. Это как с ПУ. Гнев сжирает все, и день, и ночь, а время и подавно. Я как будто на всех парах лечу с горки, а рулит гнев. И зеркала заднего вида нет. Иногда подступает такое отвращение, что я ненавижу Монджо, правда. Мы можем ладить, болтать или молча сидеть рядом, вот только я знаю, что рано или поздно он захочет со мной переспать, а я не хочу, и это все портит. Мне становится тревожно. Он всегда дуется, когда я отказываюсь, а потом игнорирует меня, и мне страшно. И тогда я сама проявляю инициативу. Делаю первый шаг, чтобы растопить лед. И мы делаем это. А потом снова поднимается гнев, и я на себя злюсь. Иногда я даже забываю, почему любила его так мало. Он говорит, ему не нравится, что я расту. И какой становлюсь. Но ведь это же нормально.

Трудный возраст, говорят взрослые.

Не знаю, что там себе вообразила мама. Она и он – пара? Монджо и мама? Вместе? Это невозможно. Она выдумала фиг знает что. Ее занесло, это точно. Она уже давно ни с кем не встречается, вот ее и занесло. Точка. Монджо, наверное, пошутил, ляпнул глупость, не подумав, а она и поверила. Он ведь и сам про нее говорит: «Твоя мама – наивная, дуручка, балда, простофиля, дурында». Вообще-то я его всегда одергиваю, когда он говорит о ней гадости. А он клянется, что пошутил.

Или, может быть, частично это правда. И они с мамой будут жить вместе. Желающих заниматься в клубе не так много, и, как я поняла, Монджо теперь зарабатывает меньше. Поэтому я должна быть к нему добрее. А не только когда он потом дарит мне подарки. Хватит расстраивать его отказами. Когда я избегаю его, он думает, что я его не люблю, и ему очень больно.

Монджо один на ресепшене. Он удивлен, что я явилась в «Пальмы» в такое время.

– Ты разве не должна быть на уроках? – спрашивает он.

Я набрасываюсь на него и сразу выкладываю про маму и ее блажь, мол, вы влюбились и будете жить вместе. Это что за бред? Он спрашивает, представляю ли я, что он чувствует, когда я, в свою очередь, рассказываю ему про Октава.

– У тебя своя жизнь, девочка моя, – выдает он мне, – так

что не удивляйся, что и у меня теперь своя.

Я начинаю плакать, что он такое говорит? Уверяю, что с Октавом ничего не было, что у меня только он один и что, кстати, недавно я видела, как он с Евой выходил из раздевалки. Она была вся красная, и мне ли не знать, почему она покраснелась, как когда-то Бента и еще Анаис. Я сыплю именами, я знаю, что говорю правду, я все видела, все слышала, я пряталась в туалете, а они были рядом в душевой. Анаис из «Коал». Он даже называл ее Анной. Но он отрицает, все отрицает. Так убедительно, что я думаю, может, мне приснилось. От страха чего только не приснится. Когда он вот так отпирается, глядя на меня, будто я сошла с ума и все вру и вообще веду себя отвратительно, я ему верю.

Разозлившись, он уходит в свой кабинет. Я иду следом, как он меня учил, типа мне больно: чтобы все подумали, будто я ушибла локоть и мы идем за мазью или за льдом, холодильник-то в кабинете. Он закрывает дверь, и я бросаюсь ему на шею, целую его, спрашиваю, правда ли он будет жить с нами. Он отвечает, что я глупышка, что больше всего на свете он хочет жить со мной, а мама – просто фасад. Я не знаю, правда ли он так говорит или я сама так думаю, и прошу его все это повторить, но он молчит. Он закрывает мне ладонью рот, поворачивает меня, хватая справа и слева, спускает с меня комбинезон и называет Анной. Я спрашиваю себя, куда же девался прежний Монджо, который жарил по вечерам блинчики, с которым мы хохотали и ели конфе-

ты, уже почистив зубы. Я так хочу, чтобы он вернулся, что широко открываю рот, как будто он может появиться оттуда.

Потом он перебирает бумаги на своем столе и говорит, что «устал», «разочарован». Просит никогда больше не закатывать ему таких сцен ревности. «Ева – никто, поняла? И Анаис тоже. Всё. Ты ничего не видела, потому что ничего не было, ясно? И не создавай проблем на пустом месте! Ты же не будешь вести себя как подозрительная старуха, в твоём-то возрасте?»

Когда он говорит «старуха», я не знаю, это для него двадцать лет или сорок.

– Кстати, расскажи, – продолжает он мягче, глядя мне прямо в глаза, как будто успокаивается, – ты больше не виделась с Октавом? – Тут он прыскает со смеху и добавляет: – Красавчик Октав, три волоска на подбородке, да? Милашка Октав, весь лоб в прыщах.

Он, кажется, снова злится. Мне хочется защитить Октава, но все слова, которые у меня получаются, про Монджо.

– Я люблю только тебя, – говорю я, – честное слово. С Октавом ничего не было, давай у нас все будет как раньше...

– Ты сама во всем виновата, – отвечает он.

Но ведь он сам просил рассказывать ему, кто из парней ко мне подкатывает, сам подтолкнул меня к Октаву и просил, чтобы я докладывала ему все подробности. А когда Октав,

кажется, мной заинтересовался и я поняла, что он мне нравится, особенно чувство юмора и ямочки на щеках, Монджо пошел пятнами. Он старался не вспылить, но я-то видела, что ему неприятно, и, сказать честно, потом немного на этом играла. Особенно когда увидела Еву. Я тогда сказала ему:

– Тебе, Монджо, мало девчонки-подростка, еще и малолетку подавай?

Вот тут я в самом деле нарвалась, Монджо это умеет, сначала наорет, а потом обдаст таким ледяным холодом, что лучше бы меня разрезали без наркоза. Я теперь для него никто, я больше не существую, в субботу на тренировке он не удостоил меня даже взглядом.

– И можешь завтра не приходить помогать, ты мне не нужна, – сказал он, когда я уходила.

Да, с недавнего времени по воскресеньям с утра, когда у меня нет соревнований, я помогаю на общих тренировках младшим начинающим «Коалам». Так мы можем иногда ночевать у него с субботы на воскресенье, а у мамы выдается свободный вечер. Я пожала плечами и ответила, что все равно приду, но он бросил:

– Не вздумай.

С тех пор мы больше не виделись.

Он так и сидит, уткнувшись в бумаги.

– Все, уходи, – говорит он, – Октав будет беспокоиться.

– Когда мы увидимся?

– Там будет видно.

– Но ты правда будешь жить с нами?

Он подходит ко мне, и я думаю, что он сейчас даст мне пощечину, но нет, он разворачивает меня к себе, гладит и покачивает, говорит:

– Не волнуйся, Анна, все будет хорошо.

И я ему верю.

Мы могли бы некоторое время не заниматься сексом, потому что мне все больше, но я не смею его об этом попросить. Могли бы просто погулять или сходить в кино, даже поспать вместе на следующих соревнованиях, но не обязаны же мы делать это каждый раз. Вообще говорят, что всегда можно сказать нет. У нас в коллеже была лекция по половому воспитанию. Это нужно делать, только когда оба в паре хотят и никто ни на кого не давит. Мое тело – оно мое. Почему Монджо всегда говорит, что я – его? «Ты моя, Анна, скажи это». «Я твоя, Монджо». Я говорю. Но про лекцию я ему не рассказывала.

– Так вы с мамой – это правда или нет?

Монджо смотрит мне прямо в глаза. Крепко прижимает к себе, запускает руку мне под комбинезон. И отвечает:

– Ты и я, поняла? Все остальное – это взрослые дела. Мы с твоей мамой друзья.

Мне больно, но хорошо. Теперь я верю ему.

Мне десять, я еще цыпленок, но все больше даю жару. Я выиграла четыре соревнования, и Монджо сказал маме, что я звезда клуба. Он посоветовал ей поехать на каникулы в такое место, где я могла бы тренироваться. Она предложила Сардинию, и он обрадовался и пообещал, что приедет нас повидать. Через два дня он приехал с Элен. У нас апартаменты на пляже, и мама уступила им вторую спальню, а сама спит в гостиной. Элен играет со мной в «Уно». Она, кажется, сильно влюблена в Монджо. Однажды ночью он пришел ко мне в спальню. Мама с Элен еще беседуют на террасе, а Монджо мурашит меня. Я горжусь, что он со мной, а не со взрослыми, и рада, что он меня не забывает, хоть и приехал со своей девушкой. Я сказала ему, что Элен очень милая, а он открыл мне секрет: ему нужна я. Она не умеет делать мурашки.

– Хочешь, я ее научу? – предлагаю я.

Тут он улыбается и, приложив палец к губам, напоминает мне, что про мурашки ни в коем случае никому нельзя рассказывать, потому что это наш большой секрет. Если секрет выдать, то больше никаких мурашек.

Он еще в плавках, и я вижу внутри палку. Он просит разрешения поговорить с моей рукой, я разрешаю, и он подносит ее к губам и что-то ей шепчет. Она его слушается. Ны-

ряет в прорезь плавок. Впервые я трогаю палку. Я тут же отдергиваю руку, мы слышим в коридоре мамин голос, и Монджо поднимает шум:

– Я ни при чем, – шутит он, – твоя дочь еще не спала, я хотел пожелать ей спокойной ночи!

Потом он бежит в душ, а я слышу, как на улице разговаривают Элен и мама, больше мама, она рассказывает Элен, как Монджо нам помогает, с тех пор как ушел папа. Я слушаю, потому что он сказал, что вернется. Жду, но он не возвращается. Мне хочется, чтобы со мной легла мама, но она не хочет тревожить мой сон и ложится на диване, чтобы мне было больше места. Утром, как договаривались, Монджо оставляет девочек нежиться в постели и ведет меня на скалы. Мы берем лодочку, чтобы лазать с моря. Мы играем, как будто это ореховая скорлупка. Он принес все, что нужно, чтобы защитить нас от солнца. Мажет меня кремом и целует в губы, втирая его мне в щеки. Я смеюсь, как будто и это игра. Я веселая и нежная, говорит он, я самая хорошенькая.

– Лучше Алисии? – спрашиваю я.

И он клянется, что лучше. Мне нравится перечислять всех цыплят клуба и выйти *number one*. Мы начинаем восхождение. Он первый, я за ним. Вскоре я обдираю колено об острый камень, и он спускает меня вниз. Он слизывает все языком, и кровь, и жжение от соли. Дает мне печенье с клубникой и говорит не стесняться высовывать язык, чтобы слизать джем, потому что с ним мне все можно. Не то что с мамой,

вечно эти ее «ешь аккуратнo».

Чтобы укрыться от солнца, он заводит лодку в грот. Внут-
ри просто потрясающе. Прямо как в «Русалочке».

– Поиграем? – тут же предлагает он.

Его никогда не приходится просить. Папу надо было уго-
варивать поиграть целыми днями, пока он не соглашался
уделить мне десять минут, да и то всем видом показывал,
что ему скучно. Я его ненавидела, когда он говорил: «Я это
для тебя делаю, так что давай по-быстрому». С Монджо дру-
гое дело. Он-то играет с душой. Я предлагаю ему сценарий:
я буду русалочкой, а он моим другом рыбой-клоуном, но
он хочет быть принцем. Я знаю сказку наизусть: я должна
спасти его и откачать на пляже, куда его выбросило. Я вы-
ставляю большой палец, это значит «стоп-игра», и предла-
гаю вернуться на пляж, чтобы разыграть эту сцену, но ему не
хочется покидать ореховую скорлупку. Он сосет мой палец.

– Я прыгну в воду, – говорит он, – а ты втащишь меня в
лодочку и спасешь.

Мне этот сценарий тоже нравится. Лодка даже лучше, чем
пляж.

Он подмигивает мне и ныряет. Высовывает голову из во-
ды и делает вид, что тонет, протягивая мне руку. Я ловлю
его ладонь. Закрыв глаза, он помогает мне втащить себя и
валится на середину лодки. Я смеюсь, и он снова подмиги-
вает. Нет, так нельзя. Играть надо всерьез, иначе неинтерес-

но. Я кричу:

– Принц! Принц! Проснитесь! Море принесло вас на мой корабль, но вы не беспокойтесь, я вас вылечу, я здесь, чтобы спасти вас, очнитесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.